

А. Крученых

ЧОРТ И РЪЧЕТВОРЦЫ.

MS. N. 05.

русская литература до насъ была спиритической и худосочной

она кружилась въ колесѣ чорта.—

поймать черта, разоблачить, проклясть или хоть восхвалить!

спасти кого-то и провидѣть полный и рѣшительный конецъ міра сего...

какъ дѣти в сказкѣ писатели заблудились в трех волосках на головѣ чорта и не побывав еще в странах слова какъ-то такового

были раздавлены клопом чортом...

.....
не литература а общество спасенія!

сами еще плохіе пловцы бросились спасать всѣхъ

ибо близокъ конецъ міру

тому есть множество знаменій

„и клялся Живущим во вѣки вѣков, который сотворил небо и все, что на нем, землю и все что на ней и море и все что в нем, что времени уже не будет“

кончилось для людей наслажденіе драгоценными розами и вином, кончилась земля и горько-сладкіе плоды ея, отнынѣ „огонь дым и сѣра“ будут палить блудо-дѣйствующихъ и чародѣйствующихъ „от этихъ трехъ язв, от огня дыма и сѣры выходящихъ изъ рта коней, умерла третья часть людей“

сперва не вѣрилось. вороватые смѣялись и рѣзвились не придавая значенія топоту коней у которыхъ головы львов.

но стоило только взглянуть на рты из которых выходил огонь дым и сѣра и услышать как рыкает лев как семь громов проговорили голосами своими—чтобы в ужасѣ убѣжать от бездѣлушек своих и невинных ребяческих забав.

нѣчто большее легкомыслія и забав взглянуло в лица их—это был конец міра.

это было царство сатаны блудницы папессы и смерти пришедших в конец соблазнить и погубит людей.

тѣ чьи числа 2, 40 и 200...

Пан-отец пришедшій изъ-за моря из турецкой земли недобро взглядывает, вынимает из-за пазухи черную воду и тянет ее.

и вызываетъ душу своей дочери казачки Катерины и говорит ей сотканной изъ inferнальныхъ загробныхъ лучей: полюби меня

Сатана сатана!.. шепчет пан Данило.

недоброе творится въ Украинѣ.

чертъ на нѣмецкихъ ножках укралъ мѣсяць и стало въ ночь подъ Рождество темно и вѣтрено и холодно.

и человѣкъ въ восточномъ халатѣ покупаетъ душу художника,

и среди бѣла дня в упительной Украинѣ француз-свинья утаскиваетъ прошеніе Ивана Ивановича,

и Хлестаков эта столичная штука на нѣмецкихъ ножках во фракѣ вретъ про свое министерство и этим напускает туман перед глазами простых обитателей ждущих своей гибели...

ведѣ оборотни слухи вертится черт и влѣзет то в свинью то в пирог то в мелкаго чиновника лгуна и билетника.

Маленькій гаденькій черныи, Кажется взял бы и пальцем раздавил. Не черт а блоха и никак ее не сло-вишь

и хочет Гоголь ударит по струнам людских душ с „невѣдомою силой“

Какой поход на блоху! блоха радуется и смѣется—развѣ так ловят блох? втихомолку потихоньку ловким и быстрым движеніем—и вот ее нѣтъ!

Но человек в бреду и ужасѣ не замѣчает что имѣет дѣло с простой блохой. Она принимает невѣроятные размѣры и формы ея странно дрожат и мѣняются: по виду это саранча ростом с коня и волосы у ней, как волосы у женщин, а зубы были как у львов.

Тѣм то и страшна блоха что она маленькая а человек в жару и бреду никак не может быстро повернуть рукой и прихлопнуть ее. и давит его блоха.

на ней были брони как бы брони желѣзныя а шум от крыльев ея, как стук от колесниц когда множество копей бѣжить на войну, вытянув морды...

.
Милая благоуханная упоительная Украина во власти блохи саранчи, невѣрных срацин. И гибнут славные вѣрные сыны Украины: и полковник Тарас и его сын рыцарь Остап

Погибло славное казачество!

И только жид Гершка худой и длинный как оглобля гримасничает и бѣгает заплетываясь ногами в длинном кафтанѣ своем и рассказывает и своим и полякам о погибели казаков

возненавидѣл Гоголь „жидов“ и особенно „Петровскую Россію“ полонивших его Украинну, и отомстил Россіи „страшной мезтью“ и дьявольским смѣхом и заколдованным смѣхом высмѣял ее и изобразил на лицѣ ея гримасу страшнаго колдуна и сам испугался своего смѣха

„Смотри—указал ему схимник—буквы твоих книг наполнились кровью“

и убѣжал от людей колдун, ни пост ни покаяніе не помогли ему...

Колдун сам превратился в блоху и скрылся от нас в необычайном прыжкѣ

.....
Но не все же торжествовать блохѣ не все шумѣть саранчѣ: она все сѣбла что было на землѣ и оставив ее голой пустынной и безлюдной должна умереть и сама.

вот когда настанет ея погибель!

„И ничего во всей вселенной
благословить он не хотѣл“

во всей вселенной! в сѣрый пепел пустыни обратилась земля и саранча распустив свои крылья с шумом желѣзной колесницы смерти полетѣла над землей, оплевывая ее въ послѣдній, и пролетая (через годы и годы) над испепеленными угасшими горами Кавказа саранча замѣтила среди развалин какую то зелень и забилось ей сердце насѣкомаго. давно уж не видала она никакой травки никакого листочка и позабыла какъ то о своем царственномъ брюхѣ, а оно какъ истомившійся навуходоносор жаждало салата. и воспѣла саранча хвалу создателю позаботившемуся о ея брюхѣ какъ у большой жабы проглотившей лошадь,

и сказала саранча травкѣ:
 клянусь я первымъ днемъ творенья
 клянусь его послѣднимъ днемъ

.
 тебя я вольный сынъ эфира
 возьму въ надзвѣздные края
 и будешь ты царицей міра
 подруга первая моя...

скромная травка слушала
 она была такъ прекрасна среди дикихъ скал и пепла.
 Когда то вся земля была покрыта безвкусной травой—
 тогда дикая красавица затерялась среди возовъ подруг
 но теперъ

нѣтъ, ни единый царь земли
не цѣловал такого ока...

и саранча съѣла травку, послѣднюю единственную в
сем мѣрѣ и потом сдохла и сама
Такъ всеобщемою погибелью закончилась борьба земли и
блхи-саранчи.
и еще какой молодой земли—

Я начал рано кончу рано...
какъ не оплакивать такую судьбу?!
она же была прообразом (хотя по странности случив-
шимся позже) гибели другого такого юнаго и прекрас-
наго агнца (Пушкина).
и появился на землѣ пес
вѣрный страж челоуѣка и его жилища и вступил в
борьбу со скорпионом—хвостом саранчи.
земля имѣла в это время вид фантастическій.
был на примѣръ Петербург (про другіе города не было
слышно) но был он призрачный: проснешься и Петер-
бург провалится в болото.
Это былъ не город а только болотное испареніе и
имѣл он вкус хинина...
и все время лихорадило в нем.
но пес не испугался. больной в лихорадкѣ и блѣдный
вступил онъ в послѣднюю борьбу со скорпионом
„Оно было в родѣ скорпиона но не скорпион, а гаже и
гораздо ужаснѣе и кажется именно тѣмъ что такихъ
животных в природѣ нѣтъ и что оно нарочно у

меня явилось и что в этом самом заключается будто бы какая-то тайна. Я его очень хорошо разглядѣл: оно коричневое и скорлупчатое, пресмыкающийся гад длинной вершка в четыре у головы толщиной в два пальца, к хвосту постепенно тоньше, так что самый кончик хвоста не больше десятой доли вершка.

мать кликнула норму, нашу собаку—огромный тернефчерный и лохматый умерла пять лѣт тому назад, она бросилась въ комнату и стала над гадиной какъ вкопанная. остановился и гад но все еще извиваясь и пощелкивая по полу концами лап и хвоста. Животныя не могутъ чувствовать мистическаго испуга если не ошибаюсь но в эту минуту мнѣ показалось что в испугѣ Нормы было что-то как будто очень необыкновенное, какъ будто тоже почти мистическое и что она стало быть тоже предчувствует как и я что в звѣрѣ заключается что-то роковое и какая то тайна... вдругъ она медленно оскалила свои страшные зубы открыла всю свою огромную красную пасть и припоровилась изловчилась рѣшилась и вдруг схватила гада зубами.

скорлупа затрещала на ея зубах...

вдругъ Норма жалобно взвизгнула; гадина таки успѣла ужалить ей язык. с визгом и воем она раскрыла от боли рот..“

мерзкое насѣкомое больно ужалило пса въ язык.

как с большим языком бороться с проклятым скорпионом

„У ней (саранчи) были хвосты как у скорпионов и в хвостах ее были жала

и дано ей не убивать людей а только мучить...

и мучение от нея подобно мучению от скорпиона когда ужалит человека“

Припадочные, больные ужаленные проходят люди у Достоевского и ближние со смущением проходят мимо— ужаленные обречены, они уж не от мира сего.

и горе ужаленному—на землѣ ему нѣтъ мѣста: днем и ночью воет пес мучая себя и других...

о еслибы снова найти живую плоть и воплотиться! хоть в купчиху семипудовую!

да в семипудовую и лучше всего—сколько в ней плоти! в банѣ бы попариться

„баня все поправит“—недаром говорит народ.

Смотрите как славно парится Исаяка—этот представитель вѣчно живучаго племени! каторжане и тѣ парятся. не жизнь им—а баня!

и когда они парятся то забывают, что на них клеимо, они тоже люди, купчихи семипудовыя!

а ужаленный бѣжит прочь неистово крича, издавая нечеловѣческіе звуки... и бѣжит в нетопленную сырую баню съ плесенью и пауками по углам—вот она вѣчность—его вѣчность его смерть! Ужасная вѣчность...

съ радостью пробѣжал бы онъ еще квадриллион квадриллионов лишь найти покой—но напрасно этому не бывать и „осанна“ крикнуть не придется несмотря на все желаніе. Может и желаніе смѣшное и глупое—но кто же осудит ужаленнаго! не ближніе же!

тѣ бѣгут от ужаленнаго дабы не чувствовать своего безсилія. Можно любить человѣчество и и человѣка, отвлеченнаго издали, человѣка мертваго, но когда пред тобою бѣснующійся, умирающій—что сдѣлаешь? Разстрѣлять как Пушкина и Лермонтова, как взбѣсившуюся собаку! Здѣсь может помочь только чудо, только Одинъ которому все повинуется и перед кротостью Котораго смиряются бѣсноватые, но люди тут безсильны и проклиная всѣх убѣгает ужаленный. О, еслибы ему встрѣтился хрустальный дворец гдѣ пирует самодовольное благополучное человѣчество (в нѣкоторых сказках об этом рассказывается) с каким наслажденіем он пихнул бы его, опрокинул, растоптал. Так сладко помучить, тогда и свои муки были бы в радость все тогда было бы иначе...

и бѣжит ужаленный ехидною и видит уже „стеклянное море смѣшанное с огнем и побѣдившіе звѣря и образ его... стоят на этом стеклянном морѣ держа гусли...“ предсмертная усталость и сладость одолѣвають изменнаго и греются райскіе сады и слышны гусли и всевроцающій готовится онъ умереть...

но ближніе не знают не вѣрят и боятся подойти к нему...

ибо не было мѣры и числа в движеніях его и словах, и в его чрезмѣрном умиленіи люди чуяли неладное.

это был выходец из иного міра, гдѣ человѣку трудно дышать—не хватает воздуха.

в такой утонченный болѣзненно сонный мір звал пред смертью и Тургенев: сны видѣнья сладость инфернальнаго существованія, безплотнаго и неземнаго наполняет его мало понятные современникам повѣсти послѣдних лѣтъ.

Но появились Успенскій Рѣшетниковъ Короленко и Горькій.

и пришли люди отъ земли пришли мужички в русскую пустыню и посмотрѣли: сколько нечисти развелось там. это надо вывести а то „ен закусает“—рѣшили мужички міром и скопом принялись ловить блохъ собирать саранчу.

неуклюже допотопными способами рѣшили исправить мір. Но удивлялись: ен прыткій никак в руку не дается. пробовали к старухѣ колдунѣ обратиться тоже дѣло не ладилось

Плѣнули мужички и рѣшили так жить небось всѣх не съѣст—объѣтся! свернулись мужички калачиком да так на голой землѣ и улеглись и храп пошел такой что по всей планидѣ загудѣло.

.....
жил неподалеку один чувствительный барин и такой был аккуратный—чуть гдѣ увидит пылинку или блошку крик на весь мір подымет:

Как можно чтоб я спокойно сидѣл и кушал когда такая нечистота!

скорѣй созвать собраніе! всѣх артистов инженеров адвокатовъ пусть ловят блоху, пусть вычистятъ все до послѣдней пылинки ибо так жить нельзя!

Смѣялись мужички: барское дѣло!

Не понимали спокойные люди о чем кричит его сятельство

грязь, вездѣ грязь вездѣ блохи!—вопил между тѣм нѣженка—ваша культура и ваши науки это грязь! и ваша любовь и ваша жизнь и все! как вы можете жить, если все это замѣчаете?.. почему вы не мучаетесь?.. и стал нѣженка искать себѣ на землѣ мѣста, куда не заглянет—вездѣ плохо.

Вы что тут дѣлаете?—спросит у солидных господ

— Развратничаем!

— а эти что дѣлают?

— Комедию ломают дурака представляют ваше сіяство!

— а эти что дѣлают?

— микробу этакую в мелкоскоп от вши взяли...

Так жить нельзя вскричал длиннородый граф сколько еще на свѣтѣ живых блох и вредной саранчи а эти чѣм занимаются!

а? грозно переспросил граф. И взяв посох и гнѣвно оглядываясь ушел к мужичкам

— что вы милые дѣлаете

— так что очень трудимся

— а что блошка какая нибудь там не мѣшает вам?

— Какая там блошка тут шилом не продерешь кожи!

— вот это люди! подумал граф—вот гдѣ жить можно! все у них чисто, свѣтло

Примите и меня в артель хочу тоже потрудиться

— что же становись каши небось ваше благородіе много не съѣст? она у нас без масла!..

Так боровшійся всю жизнь с блохою кончил непротивленіем ей!..

а у мужичков так и застряло на гтах:
на чаек бы с ихней милости!

но тут вынырнул звѣрь из морской бездны с лицом
моржа и черным голосом вскричал:

отнынѣ царство блох наступило...

она сидит на тронѣ...

а блоха положив руки на ручки кресел говорила:

я вам внимаю мои дѣти

возсѣв на отческій престол

душ скольких мнѣ услышать Нѣти

Позволит подданных глагол

„чур чур чурашки буки букашки вѣди таракашки“
шептал Салогуб и потом гнусаво запѣл о смерти
золотой дракон развернулся и спустился с неба чтобы
одѣть ему на голову горшок бывший в употребленіи.

„Торжественность момента“ нарушил пискливый го-
лос Мережковского увѣщаннаго куклами старинными
гравюрами и картинами:

„дьявола продаю! за копейку чертик Гоголя, за 1/2 ко-
пейки сверхчеловѣк Лермонтова! Мистическій сфери-
ческій...“

Кузьмин Бальмонт и Брюсов слѣдуя обычаю мух дѣ-
ловито оставляли жирные слѣды на всѣх старинных
изображеніях героев древности...

разбуженная саранча сонно схватила Салогуба и поже-
вав губами излевала его и вышел он из ея рта смор-
щенным рыхлым и бритым.

и стал он отфыркиваться:

„мечты—обман и сон!“

и закартавил тріолеты землѣ.
 Блох с Бѣлым положили головы свои и плакали, а
 Мережковский укорял их:
 продали революцію черту,
 он напустил на вас Цусиму и Порт-атур, он съѣл ваш
 театр и башмаки, культуру и семью... кто съѣл ваш
 ужин?.. не знаете?
 как будто в сторонѣ от всѣх сидѣл маленькій чех
 (Чехов) так любившій рыбную ловлю и думавшій вы-
 удить всѣх чертей из россійскаго болота...

.....
 Черт!—кто-то закричал сбоку — сам черт! берегитесь
 черт!

а насмѣшливый голос отвѣчал ему:
 не страшно!

и в самом дѣлѣ никакого черта не было и неудачный
 пастух Андреев так и остался лгуном.
 чтобы утѣшить его хоть нѣсколько А. Ремизов надул
 игрушечнаго чертика украденнаго на „вербѣ“ и тот
 запищал вздрогнул и вытянулся.

Так кончился черт у русской литературы а с ним и
 сами литераторы оплакивающіе его как безутѣшныя
 вдовы

.....

 на смѣну русским литераторам пришли рѣчетворцы—
 баячи будетлепе—и сразу превратили черта в двор-
 ника
 черти ли страшны будетлянину? как господин нисхо-
 дит в ад—и там смятеніе подземные в затрудненіи:

их палец тщился начертать
 мои земляныя пять имен
 но легче коготь поломать
 чѣм отгадать как я клеймен
 Огонь и муки мнѣ нипочем
 и стиснув зубы хулу шенчу
 Под тонким жалящим бичем
 Смѣюсь тихонько палачу
 и бѣс стал пятиться невольно
 замѣтив что глумлюсь
 шенчул себя щипая больно
 тебѣ я предаюсь...

(а. крученых „полуживой“)

не случайно в литературѣ до нас разлито адское сладострастіе (негр Пушкин, мрачный корнет Лермонтов, тайный огонь Гоголя и т. д.)

Достоевскій пес но он же и сладострастное насѣкомое! и восхвалявшій бѣса Ф. Сологуб воспѣл в послѣдній и грязное извращенное сладострастіе (таков же А. Ремизов — насѣкомое)

но у писателей до нас и сладострастіе не настоящее, у них не есть а лишь хоч у.

уж подлинно „символизм“

с побѣдой над адом покоряется и украшеніе его: любовь-сладострастіе

Тебѣ навѣки я отдана
 вѣяся вѣдьма нарекла
 и вѣтр и звѣрь и дѣва-гадина
 касались моего чела

(„Полуживой“)

И шалуныя слава и богатства этого міра стали иными—
стали пустым мѣстом

меня вѣнчали чернымъ знаком
и уксусъ лили на языкъ
копьемъ украсили и паки
вознесся дикій крикъ

(полуживой)

ненадежен и сам адъ ему такъ легко погибнуть
в своемъ коренномъ сладострастїи—муки и случая.
Гибель страстно играющаго в карты подземелья мы
видимъ с ясностью:

...и скука тяжело нависая
глаза разрѣжетъ до конца
всѣ мечутъ банкъ и загибая
забыли путь ловца

.....
все скука угнетаетъ
и грѣшникамъ смѣшно
дрова в каминѣ угасаютъ
и занавѣшено окно

(„Игра в аду“ Крученыхъ-Хлѣбниковъ)

указавъ на этотъ конецъ конца баячи будетляне в своемъ
творчествѣ уже исходятъ от другихъ вещей цѣлей и за-
мысловъ...

А. Крученыхъ.

25-

188965

377

SPECIAL 88-B
26223

GETTY CENTER LIBRARY

Печатается второе дополненное изд. «Взор-
валь» А. Крученых и «Бух Лѣсинный»
Крученых и Хлѣбников.

ЧОРТ и РЪЧЕТВОРЦЫ.

ц. 30 коп.